

Автор: Тульчинский Г. (Россия)

1. Аллитерации одиночества

*Когда всерьез владеет что-то вами,
Не будете вы гнаться за словами.*

Гете

Вначале полагается объясниться. Объяснить свое положение в начале. Что за текст? Что за текстом? За ним и в нем души работа. Записи за десяток лет, письма за границу другу, работавшему в Венгрии, конспекты нескольких выступлений. Опыт обыденности — обыденный опыт — пытка бытом. Испытания — духовный опыт — пытка души.

Ну так что — это откровение? Или проповедь? Да нет. Самозванное самовыражение и самоутверждение? Тоже нет, хотя в этом «нет» уже нет полной уверенности. Скорее — happening. Действие. Вменяемое, осмысленное и ответственное. Прочерчивание пути. Придание четкого контура предварительно размятому жизнью. Самоопределение как

самопреодоление. Самооправдание? Нет. Скорее поздняя рационализация собственного опыта. Задним числом.

Ну а другим-то это зачем? Как бы ни была писана торба собственного духовного опыта, это еще не повод, чтобы носиться с нею. Мудрый молчит, святой сокрыт от глаз толпы. Думаю, дело не только и не столько в дурости автора. А может, и вовсе не в ней. Если нечто индивидуально, то оно универсально. И не в силу самозванческой амбиции индивида, а именно в силу ее полной невозможности. Это уже завязка.

Ткань современного философствования всюду порвана. На глазах поколения-двух расплзлась целостная осмысленность внешнего мира. Рухнули строительные леса рационалистического утопизма. Они даже претендовали на роль несущего каркаса. Но эти претензии принесли только свободу воли как волю к неволе, безответственность, самозванчество и — в конечном счете — насилие человека над природой и другими людьми, насилие мысли над мыслью. Открылись бездны иррациональности рационализма и мифологичности разума.

Таким прочным казался рационалистический дом души, отделанный мифологемами и идеологемами, согретый религиозным уютом — сколь часто благодать оборачивалась радостью избавления от «неалиби в бытии», положительными эмоциями избавления от свободного выбора и ответственности за него. Но самозванные благодетели — прорабы светлого будущего — оказались надсмотрщиками и палачами. Бог, обидевшись на человека, ушел в мир иной. То, что казалось то ли мощным каркасом, то ли строительными лесами, оказалось то ли веточками, то ли травинками. То, что казалось крепким уютным домом души, взвихрилось и улетело, оставив человека беззащитным от пронизывающего «не-алиби в бытии».

Теперешний человек — один. Пусть он в пути не одинок, по крайней мере — отнюдь не предоставлен самому себе. Но, появляясь во всюду плотном без него мире и отпадая от

мира, длящегося уже без него, человек одинок. В начале и в конце. Поэтому по нынешним временам философствование может и должно начинаться с этой индивидуальной банальности, всеобщей уникальности, универсальной единственности. Человек один на один с жизнью. Каждый. В отдельности и любой.

Много, многое и многими сказано о диалогичности осмысления. Однако, идея диалогичности, как, впрочем, и сама диалогичность — коварна. По мере все большей специализации, по мере нарастающего разделения труда возрастает и монополизация, а значит, осмысление и деятельность становятся все более уникально единственными — монологичными. Напомню хотя бы переход от театра к роману и нынешней исповедальности прозы, авторской песни, авторского кино. Или в живописи: от фрески — части органичного целого храма — через станковую живопись к самодостаточности мазка. Процесс этот усугубляется однонаправленностью масс-медиа. Отчетливо это видно в молодежной музыкальной культуре — при всей ее толпень-массовости — монологичной и в производстве, и в потреблении.

Однако эта монологичность не означает утрату диалога в осмыслении. Он только уходит внутрь личности, которая, если она хочет понимать, должна рефлексировать, вступать с собою в диалог. Нынешняя действительность предполагает «сложную», рефлектирующую личность. Наверное, иначе и не могло быть во взорванно эклектичном, постмодернистском мире, если человек хочет его понять. Если.

Монологичность культуры и развитая диалогичность личности. Монопольный монолог охватывает многие этносы, сплюсчивает их настоящее и прошлое в некую всеядную амбивалентность. Возникающий человек толпы, личность-всюду-маргинал, рефлексировать не хочет, он хочет простоты и ясности, однозначности. Поэтому-то популистская масса и рождает тягу к странному, science fiction, пришельцам, экстрасенсам и т.п. Человек стремится избавиться от работы души, от рефлексии, от

ответственности за свои вопросы и свои же ответы, он стремится вынести диалог вовне, создать себе ответственного партнера, внешнего собеседника, другого, позволяющего понять мир, себя самого, взглянуть со стороны. И как итог — безответственность, стремление переложить на этого другого, на таинственное и странное, ответственность за происходящее, создание себе смыслового и нравственного алиби.

Поэтому, как никогда, сейчас необходимо одиночество. Одиночество — забытость, ненужность, бессмысленность существования. Но когда человек остается один, он живет наиболее полноценно. Видит, чувствует свою связь с миром, свое место в нем, свою неслучайность. Поэтому одиночество целительно. Дерево, выросшее в бору, в толпе других — хилое и хлипкое. Крепким оно вырастает одно. Человеку тоже для крепости и силы нужна изрядная доза одиночества, осознание его изначальности, содержания и следствий. Из одиночеств и сплетается прочная жизненная ткань. Дерево из бора, человек толпы пригодны для серийного производства взаимозаменяемых поделок, требуют разделки и переделки. Одиночное самостояние коренится в жизни непосредственно. Но нигде человек не одинок так, как в толпе.

2. Абсурд, ужас и Жуть I

*За что, за что, о Боже мой?!
За что, за что, о Боже мой?!*

Из популярной оперетты

Самоочевидный факт человеческого бытия абсурден. Более того, абсурд — самый очевидный факт. Человеку с его разумом, чувствами, тягой к осмысленному мир противостоит как абсурдное — неразумное, лишенное разумения, бессмысленное, бес- и вне-человеческое. И этот абсурд выявляется только в столкновении человека с миром. Мир абсурден именно для человека. Не мир абсурден, а абсурдно столкновение молчащего мира с отчаянным желанием ясности, человеческим зовом осмысленности. Пытаясь понять мир и свое место в нем, человек натывается на молчаливую стену.

И становится страшно. Не потому, что мир молчит и не отвечает, а потому, что непонятно, что скрывается за этим молчанием — паскалева бездна? хайдеггеровский ужас оседания бытия? Это подавляющий ужас непонимания возможной злой воли. Это механизм онтологизации зла. Понятное не может быть злым. Зло — непонятное, то, что я не могу понять или понимать отказываюсь. Поэтому мир — зло, когда все вокруг непонятно, неподвластно человеку. И самое главное, что непонятно и неподвластно — собственная жизнь: единственное, что я знаю достоверно, это то, что я смертен в этом мире.

Ужас смерти универсален и для эгоиста, думающего только о себе, и для альтруиста, думающего о других. С мыслью о смерти — своей и других не могут примириться ни тот, ни другой. В этой мысли гласное содержание главного кошмара бытия — Жути I. Зло — небытие, согласно Плотину — вид несуществующего. Поэтому, хотя оно чувственно-материально, его природа открывается только разумом, способным открыть несуществующее само по себе, сделать понятным то, что душа и сам разум понимать отказываются — человек есть миг бытия, вспышка бытия, освещающая собственный кошмар.

Как несущее не-сущее (небытие), зло несет страдание. Боги не знают зла, так как не знают страдания. Зло — удел смертной природы. Поэтому борьба со злом есть борьба

со смертью, апелляция к вечному и бессмертному. Помощник ли в этом деле разум? Не уверен. Так же как и в том, что разум и знания есть благо. Уже много сказано (и мною тоже) о том, что разум сам может быть злом, нести страдание, насилие и смерть. Подводит и главный инструмент понимания, не избавляет от зла. Потому что зло коренится и в самом человеке. Круг замкнулся. Есть ли выход из этого кольца зла? Есть ли путь в этой юдоли страдания?

Тот же разум, про который Ф.М. Достоевский говорил, что «ум-подлец, потому как виляет» в готовности найти объяснение всему что угодно (в этом смысле философский ум — наиподлейший; впору создавать систему социальной защиты от философов), тут же готов предложить решение. Если универсально человеческое — смерть, страдание и ужас, то необходимо простое движение ума, способное принять эту изначальность. И тогда небытие станет бытием, смерть благом и т.д. Подобно тому, что ты видишь, когда смотришь на зебру или матрас: черные полосы на белом или белые полосы на черном? От чего это зависит? Только от тебя самого: что захочешь, то и увидишь.

Так можно ли поменять минусы человеческой жизни на плюсы (Ф.М. Достоевский), преобразовать Черное Яйцо, постоянно сжимающее нас со всех сторон, в открытое ясное и живое пространство (Шри Ауробиндо)? Можно ли сыграть с жизнью в зебро-матрасную игру? Жизненный путь есть жуть. Но тогда сама жуть есть путь.

3. Сопричастность и ответственность

*Когда не знаешь, что
сказать, говори правду.*

Марк Твен

Если человеческий удел — смертный ужас и страдание, то неужели их преодоление — удел сверхчеловеческий? Внечеловеческое, то, что возвышает над человеческим? Победитель смерти — в мыслях и яви — сверхчеловек? Или преодоление — в отказе от человеческого мира? Неужели путь в уходе, выходе из мира? И тот и другой путь выводят человека из человеческого мира.

Все религии мира говорят, по сути дела, об одном и том же: спасение, освобождение, муки, рай, нирвана, окончание цикла перерождений... Между этими уходами от мира нет существенной разницы. Это уход от мира зла и беспокойства в мир иной — покоя, безмятежности и радости. Это путь в другое измерение, за горизонт. Надежда уводит из мира, убивает человека со сцены. Перспективы в этом мире надежда не дает.

Перспективы дает только полная безнадежность. Человек должен дойти до конца, до точки, когда дальше идти просто некуда. До точки, от которой он может только одно — жить дальше. В жизни нет шкалы Цельсия. Есть шкала Кельвина. Когда остается только жизнь и остается только радоваться. До этого надо либо дойти самому, либо все равно доведут. XX век — век массового прояснения сознания. Бомба, экология — жить вредно. Все, что делается — приближает смерть. Дело идет к тому, что человечество осознает, что жизнь есть смерть, а единичные сомнения в ее ценности перейдут критическую массу.

Лучше быть не может. Может быть только хуже. Лишь с этой позиции открывается возможность по-настоящему радоваться. Если подтвердилось — случилось лишь то, к чему ты готов. Если нет — тем лучше. Человек обречен на радость. Хотя бы смене времен года, хотя бы времени суток, хотя бы факту собственного существования.

Ну и что же следует из того, что я умру — только не знаю когда? Что остается делать? Сидеть и убиваться по своей участи? Вымаливать бессмертие? Кончать это дело поскорее самоубийством? Зачем? В «Стране водяных» Акутагавы перед рождением каппы отец спрашивал у младенца в утробе матери — хочет ли он родиться? Тот обстоятельно расспрашивал — кто его родители, что за семья, каков дом и прочее, а потом решал, стоит ли ему являться в этот мир. Если согласен — рождался, если нет — утроба опадала. С человеком не так. Никто его не спрашивал, хочет ли он прийти в этот мир. И если уж я попал в это кино, то не в праве сам уйти из зала или претендовать на бесконечность сеанса. Но если кто-то дал мне жизнь, я живу, то разве не удивителен сам этот факт, разве мир не приносит мне ежесекундно ворох ощущений и впечатлений, пищу телу, работу уму и душе? И если уж я живу, так почему бы мне не жить интересно?

Сверхчеловек и самоубийца одинаково безответственные самозванцы, насильники над миром или собой. Я — феномен мира, и то, что я живу — не моя заслуга, не подвиг, не победа и не беда. Расширить свое сознание, свою свободу я могу только ответственностью за мир, ответом ему. Даже на молчание. И нечего рвать волосы, проклинать судьбу, мстить миру самоубийством — убийством мира в себе.

Мир — не зло, мне противостоящее, а моя субстанция, откуда я — материальный и духовный — ежесекундно черпаю и плету себя. Мне ближе даосизм, чем буддизм. В том плане, что цель буддизма — нирвана — есть распрощание с миром, а дао-истина как дао-путь — моя сопричастность миру, преодоление Жути I. И нирвана и увэй, оба учения — и Лао-цзы и Гаутамы — пути спасения, но один — в признании естественного и

слиянии с ним, а второй — в преодолении естественного. Кстати, основная линия российского и советского духовного опыта со всем свойственным ему активизмом, в глубине своей ментальности близка учению Будды. Так, «Общее дело» воскрешения предков, например, при всем пафосе критицизма Н.Ф. Федорова в адрес буддизма, есть не что иное, как прекращение цепи превращений — нирвана, то есть сознательное и трудоемкое преодоление природы.

Есть два типа, две традиции рациональности, два типа осмысления действительности и места человека в ней. Первый — «технологический», восходящий к идее «техне» — искусственного и искусного преобразования действительности. Он предполагает замысел, цели, результаты, их оценку, затраты сил и средств на достижение целей. Рационально в этом случае то, что эффективно — ведет к достижению цели с минимальными затратами. Этот путь — путь насилия от бессилия. Путь самоубийцы или сверхчеловека, навязывающего действительности познанные им ее же законы. Этот путь не знает меры, гармонии, совести и стыда, отбрасывает их как иррациональное. Ответственность становится безответственным выполнением воли — замысла. Ответственность, понимаемая как производное от рациональности, как ответственность за реализацию рационального, с неизбежностью предполагает и порождает контроль и насилие. Рационалистический утопизм оборачивается бюрократизмом. Осмысленный в этой традиции мир полон зла: либо иррациональных сил, либо противоборствующих рациональных сил и замыслов. Это тупик, поскольку в борьбе со злом порождается зло же.

Второй тип — «космический», восходящий к идее «космоса» — изначальной гармоничной целостности мира. В таком мире нет целей, а результаты — побочные следствия пути, гармонической включенности и сопричастности. Укорененность во всем дает возможность влиять на все. У меня нет алиби в бытии в силу моей в нем укорененности, даже просто явленности в него. Вина моя абсолютна, заслуги относительны. Но, отвечая за все, я делаюсь свободным, так как сфера моей свободы — мною принимаемых решений — есть зона моей ответственности — это мои, а не чьи-то решения, и они могут быть вменены именно мне.

Зло — нарушение изначальной гармонии, не знающей зла, отход от дао-истины как дао-пути. Страдание — сигнал зла. Поэтому ответственность первична, а разум — вторичен по отношению к ней как средство и путь осознания меры и глубины этой ответственности, условие осмысления выбора, на который обречен человек самим фактом своего существования.

Решением проблемы Жуты I через сопричастность достигается только «эстетический» (по С. Кьеркегору) уровень. Главная же задача — достичь уровня «этического», позволяющего оценить и оправдать выбор. Сопричастность самоценна. Значение и смысл мира открывает только индивидуальный опыт личности, затронутой миром и затрагивающей мир. Я — самовыражение мира. Не выделяю себя в нем, но и отмечен в нем, незаменим. И тут поджидает еще один кошмар, еще одна жуть.

4. Жуть II и самоценность

*Без любви человек —
не более чем покойник в отпуске.*

Э.-М.Ремарк

Никто и никогда не увидит мир так, как ты. Своих мозгов в чужую голову не вставишь. Ни один человек не поймет другого полностью, до дна. Открывается еще одна бездна. Ж.-П. Сартр прав: «ад — это другие». Враги и равнодушные, друзья и любящие, доверие, без которого нельзя, и измены, на которые оно обречено, абсолютность этих измен при относительности доверия — ужас именно в обреченной относительности. В общем-то, Жуть II — проявление и разновидность Жути I. Та же бездна безответности. Поэтому преодоление Жути II в той же сопричастности меня-уникального — другим уникальным в нашем общем взаимоутверждении себя, друг друга и мира. Что еще нужно человеку для счастья, кроме как быть слитым с общим «мы», но быть в этом «мы» замеченным и окликнутым? Не буду повторяться, повторять сказанное на эту тему в двух книгах и статьях — эта мысль определяет содержание и «Проблемы осмысления действительности», и «Разум. Воля. Успех». Но все же, как главное — моя самоценность — это самоценность этих других. Мое понимание другого есть оформление его в моем избытке (по сравнению с ним) видения мира. Как говорил Данте, если мы когда и воскреснем, то только для знавших и любивших нас.

Стать свободным — забыть себя. Отдать себя. Жить в любви не с собою, а с любимой, в сражении — не собой, а сражением, не собой в идеале, а идеалом в себе. Но: «Познай себя — какое счастье в том? Познаешь, а куда бежать потом?» Поэтому — не познай, а забудь себя. Но для этого забвения надо иметь что забыть. Для самоотдачи надо иметь что отдать.

5. Эгоистический пессимизм как собственная противоположность

*Уж лучше грешным быть,
чем грешным слыть.*

Шекспир

Получается этакий эгоистический пессимизм. Эгоистический — так как существую я и моя жизнь. Это именно моя жизнь, мои мысли, чувства и переживания. Это мои и только мои мысли, чувства, переживания и заботы. Никому никогда и нигде не дано их пережить и понять до конца. Пессимизм — так как я исчезну. Моя жизнь конечна. Это истинная истина, и единственно, чего я не знаю, так это — когда. Поэтому я готов к этому всегда.

Только принцип эгоизма может дать действительное обоснование отношений к другим, любви к ним. Они — мои люди моего мира. Мое окружение — часть моего мира, моего сознания, сфера моей свободы и ответственности. Теряя человека, я теряю себя. Следовательно, только эгоизм есть настоящий альтруизм.

Также и только пессимизм дает реальное основание реальному оптимизму. Розовый, глупый, телячий оптимизм обрекает человека на уныние и неудачи. Замыслы, цели, надежды и упования никогда не сбываются полностью. Сама жизнь — одна большая неудача. Поэтому оптимизм чреват еще и рваческими рефлексами хищничества: хватай пока, что и чем можешь! Энергия заблуждения коварна.

Смерть — ужас, пессимизм. Но к ней можно отнестись инструментально, как к средству. Например, в духе сталинского «смерть решает все проблемы» или «есть человек — есть проблемы, нет человека — нет проблем». Когда смерть и ужас в истоке, методе и средстве — терроре, насилии, самоубийстве — они становятся формами бытия. Тогда действительно достигается оптимизм — оптимизм насилия. По авторитетному

замечанию В. Шаламова, террор снял проблему смерти и оптимизма, так как вся философия терроризма — личности или государства — в высшей степени оптимистична. Это оптимизм, оправдывающий пессимистические средства якобы благими целями, зло во благо.

Чтобы избежать этой ловушки, судить надо не по целям, а всегда и исключительно по средствам, по пути, а не по храму, к которому он якобы ведет. Оптимизм насилия — бессодержателен, пуст, так как бес-человечен. Ужас и смерть — не формы, а сама ткань бытия. И дело человеческое — формовать из этой ткани его — бытия — осмысленное. Смертью смерть поправ.

Только пессимизм ведет к оптимизму, только эгоизм — к альтруизму. Оптимизм и альтруизм могут быть только следствиями, побочными продуктами. Взятые как посылки, как исходные принципы, они ведут в тупик. Оптимизм — к краху и незащищенности. Альтруизм — к поглощению личности, тому же краху и той же незащищенности. Вместе же — к насилию и, в конечном счете, к бес-человечности, человекоубийству, освященному «во имя».

Человек — не винтик в машине, а пчела в рою. Не меня используют «во имя», а я несу сам. Не «надо», а «не могу иначе». Ближний мне ничего не должен, даже в ответ на мое служение. Абсурдно не только требование жертвенности и навязывание долга. Если не абсурдна, то уж комична максима «заслужи любовь ближнего». Я не могу зарабатывать любовь, брать подряд на нее или получать ее за выслугу лет, а получив — оптимизировать и благоустроить свою жизнь. Другой мне ничем не обязан, даже в ответ на мое стремление заслужить его любовь. Это я всем, всегда и во всем обязан. Потому что из них — других — состоит ткань моей жизни, я сам. Поэтому адекватной максимой может быть, пожалуй, только такая: «Никто тебе ничем и никогда не обязан. Но ты должен всем. Всегда и во всем».

Расширить сферу своей свободы я могу только ответив на вопросы-запросы других, включив их в сферу своей ответственности. Мне и разум-то дан для того, чтобы осознать меру и глубину моей ответственности. Они бездонны и бесконечны в силу бесконечности и безмерности включенности человека в ткань (материю?!) мира. Первородный грех — грех рождения, прихода в жизнь и мир, а значит — первородная ответственность за их целостность и гармонию.

Вина человека изначально и абсолютна. Разум дает сознание меры и глубины ответственности, а значит — сферы и горизонта свободы. Потому что свободен я только там, где сам принимаю решения, а значит и беру на себя ответственность. Из двоих спорящих один всегда должен быть умнее и взять вину-ответственность на себя. Он не только умнее, но и добрее и дальновиднее. Потому что свободней и ответственней. Так почему это не я? Если мы с миром, другими людьми в конфликте, то пусть я буду виновным, но зато — хозяином положения. Путь ясен.

6. Проясненное сознание

*Сознание — это такая вещь,
которую люди приобретут —
хотят они этого или нет.*

К. Маркс

Синтез преодоления Жуты I и Жуты II, синтез сопричастности и самоценности дает проясненное сознание. Оно выражает сопричастность гармонии мира и ответственность за свой путь в этой гармонии. Проясненное сознание сродни интуиции Страха Господнего, о которой пишет В.А. Карпунин. Но проясненное сознание не обязательно связано с Творцом. Сотворен мир по замыслу или он сам по себе? Я не вижу существенного смысла в этом вопросе. Творец мог быть, но затем уйти в другой мир. Что он мне? Что с ним, что без него — я одинаково разгадываю загадки мироздания (миросоздания). Проблема не в нем, а во мне. Понимаю ли? Что и как понимаю? Беру ли ответственность на себя в меру понимания? Собственно, это ведь мне для понимания чего-то надо это что-то представить как чей-то замысел. Это мне всегда нужен другой — с его волей, замыслом текста, поступка, мироздания.

Может удивлять или удручать, что Жутей именно две? А почему не три, восемь или сорок шесть? То, что Жуть I от связи с миром, а Жуть II — с обществом, лежит на поверхности. Больше того — Жуть II есть, в конечном счете, разновидность первой, может вкладываться в нее матрешкой. Но — догадкой: что если в этом проявляется асимметрия головного мозга? Жуть I — от правого полушария и первой сигнальной системы, а Жуть II — от левого и второй сигнальной системы? Потому и преодоление Жутей — одной через другую. От Жуты I через сопричастность и проясненное сознание к совершенству. Преодоление смерти — Жуты I — через Жуть II, то есть через собственную единственность выполнить то, что кроме тебя не сделает никто. Делать то, что делают все, делать за другого — смерть.

А может, Жуть I — Танатос, а Жуть II — Эрос? И первая преодолевается через вторую, через «другие», через единство с ними. А преодоление Жуты II — через общее всем, через смерть — то, что всех объединяет.

Проясненное сознание — прорыв конечного в бесконечное, прерывистого — в непрерывное и слияние с ним. Преодоление бессознательного сознательным, итогом чего становится сознательное бессознательное или бессознательное сознательное, если угодно — засознательное. Мистическое — но не как сверхъестественное, а как

самое естественное — живое переживание опыта, в котором логиче-ски-дискурсивное и интуитивно-образное, лево- и право-полушарное — едины и расчленимы только рефлексией.

При желании можно увидеть в проясненном сознании структуру. Например, софийность триединства знания (истины), красоты (совершенства) и любви (сопричастности истине и совершенству). Можно и в структуралистском духе представить проясненное сознание как дао, как срединный путь, как синтез оппозиций:

Жуть I — Жуть II

Инь — Ян

Гедонизм — Аскетизм

Индивидуальное — Социальное

Мистицизм, романтизм — Рационализм

Даосизм — Конфуцианство

Правое — Левое

□ *Непрерывное* □ — □ *Прерывистое*

Этот ряд можно продолжать. Ограничусь хотя бы приведенными примерами.

Жуть I включает в себя время. И проясненное сознание наполняет его содержанием. До христианства человек жил в мифе. А миф вечен, он совершается не во времени, а в себе. И поэтому смерть — не смерть, а продолжение мифа. Христианство разрывает этот временной коллапс мифа идеей спасения. В Новое время приходит осознание жути времени. Человек опять становится точкой, но не тотально размытой в коллапсе мифа, а нумерической на стреле времени, бесконечно малой во Вселенной. Проясненное сознание связано с осознанием временной определенности, отрезочности своего пути, в жизни, в истории, во Вселенной, своей вплетенности в ткань жизни. Но с чем вплетенности? Чем определяется содержание, позиция, интерес, определяющие цвет и фактуру моей нити и пряжи?

Интерес интересу рознь. Одному интересно заниматься логической семантикой, другому — толканием ядра, третьему — сидеть на игле, а четвертому — снимать скальпы с ближних. Если Бога и бессмертия нет, то все дозволено? Если умер Бог (Ф. Ницше), то умер ли человек (Э. Фромм)?

7. Happening

Истинное знание достигается не размышлением.

Оно есть то, чем вы являетесь: оно есть то, чем вы становитесь.

Шри Ауробиндо

Жизнь — не созерцание, а проживание пути. Можно назвать это приключением, можно развлечением (Б. Паскаль), можно отвлечением (Л. Гинзбург). Но во всех этих случаях речь идет о том, что человека надо куда-то и от чего-то оттаскивать. Конечно, от ужаса, от страдания, от жути бытия. Но ведь существо дела — в самой ткани жизни, в ее плетении. Поэтому реализация проясненного сознания может быть представлена как happening — действие, поступок, деятельность. Абсурдная и ритуальная одновременно. Как мода и как детская игра. Как политический митинг и аттракцион. Синтез творчества и самой жизни, творца и предмета творения, дистанции и сопричастности, самой реальности и ее альтернативы.

Ткань бытия, которую я называю happening. Наиболее близкое по смыслу русское слово — стёб (из арго: стебок, стебаться). И happening, и стеб настолько обыденны, что очевидно не случайно не имеют даже обыденного лексического выражения. Но стеб, как и основная часть русской лексики, имеет явную оценочную окраску. Об этом подробно и хорошо писал ранее в «Логосе» М.Н. Эпштейн. Неспроста ведь в русскоязычной традиции термины заимствовать из других, преимущественно западноевропейских языков. Русская речь и русский язык слишком оценочны для терминологической точности и определенности. Вот и я, следуя этой чисто русскоязычной традиции, предпочитаю слово happening — вплоть до его англоязычного написания.

Жизнь и путь в ней — творчество. Жизнь — не кино, и ты — не зритель. Она —

happening, а ты — его участник и каждую секунду творишь его и себя в нем. Happening — стиль — наиболее полное, интегральное выражение мировоззрения, миропонимания. Целостное мироотношение.

Сам человек.

Happening — это игра здесь и сейчас. По заданным правилам и в себя самого по собственным правилам. Как лента Мебиуса.

Человек потерял близкого. Узнал о собственном безнадежном диагнозе. Выручает привычка — делать что-то, лишённое, на первый взгляд, смысла. Человек спасся от катастрофы. Остался один в лесу, на острове, на Земле. Чтобы жить, он ищет занятия, цели, задачи, иногда абсурдные, но обязательно и строго соблюдает их. Человек оказался в тюрьме, в ирреально регламентированном мире. Его ждет деградация и распад личности. И он придумывает себе зону автономного поведения, занятия, внешне ничем и никем не заданные, решение о которых — свободно. И человек сочиняет роман наизусть, играет в уме в шахматы, путешествует в своем воображении к полюсу... Жизнь менее ужасна, чем потеря близкого — их так или иначе теряешь всегда, чем одиночество — ты изначально обречен на него, чем тюрьма — чем она сама не тюрьма духа твоего. Все они — и тюрьма, и одиночество, и утраты — вышелушивают главное в жизни, оставляют человека наедине с нею, глаза в глаза. И видит человек, что нет у него защиты, что вся его жизнь, если имеет смысл, то как непрерывный happening. В жизни нет целей, нет «надо». Вся она — сплошное средство, мое «не могу иначе», мой happening.

Harpening — игра, а значит — сопереживание, переживание остранения скорее, чем отстранения. Но всегда — мое отношение. Поэтому harpening — венец и итог. Он — сопереживание, окрашенное моим к нему отношением. Harpening — остранение я для других, остраненное я для других. Остраненное потому, что не может иначе. Иначе — как все. И потому — иное, как инок. Поэтому harpening в основе иночества.

Речь идет о творческом самоутверждении во имя сохранения всечеловеческой истины как истины каждого, то есть во имя устранения несправедливости как метафизической (смерть), так и конкретной (насилие, бедность и т.д.) Эта надежда на лучшее, эта вера в добро и любовь к нему реализуется не только в «не могу иначе» (которое само по себе отнюдь не ригоризм), сколько в harpening'е, юморе, иронии, шутовстве, юродстве, празднике. Homo sapiens есть homo ludens. Жизнь — это праздник, на который тебя пустили и в котором ты участвуешь. Ты, и поэтому — только ты сам можешь сделать этот праздник для себя и для других. Оформляя себя, остранняя и отстраняя себя в harpening, я становлюсь собой. Не на потребу для других, а в себе для них и для себя в них.

Harpening делает меня сопричастным общей мистерии, делает замеченным в ней, окликнутым. Это праздничный карнавал — прорыв повседневного опыта, выход в мистерийное пространство и время. Так у Достоевского герои сходятся в беспредельности, так общаются в Касталии и «мире бессмертных» Г. Гессе — в «большом времени» М.М. Бахтина. Разве останемся в истории — мы, какие есть, какими были? Останется только то, что мы сделали, живя свою жизнь, свой harpening. И домыслы потомков, связующие наши «со-творчества». Легенда. История. Вечно возобновляющийся harpening. И прав был В.Б. Шкловский — не историю надо делать, а биографии, из которых в конечном счете и складывается история.

8. Творчество и самозванчество, свобода и воля

Иго — мое благо и бремя мое легко.

От Матфея

Жизнь, путь как happening — творчество и произведение. В конечном счете все сходится на позиции мастера: самоценность и свое место, ответственность и happening. Философия мастерства — ответственность за себя для других и перед другими — не столько концепция жизни, сколько уже сама жизнь. Не столько философия поступка, сколько сам поступок — вменяемое, во всех смыслах вменяемости, действие. Но это и ответ на «или-или» Кьеркегора, ответ Родиону Раскольникову, ответ сартровскому Оресту. Это, а не «трансценденция» К. Ясперса, «сущность» человека А. Мальро или даже «благоговение перед жизнью» А. Швейцера. В этом и есть Жуть I и Жуть II, сопричастность и самоценность просветленного. Но в buddha нет мастерства — своего дела и совершенства в нем. Есть общее единое совершенство полноты — ом. Есть самосовершенствование как самоотказ, самоотречение, а личное спасение как отказ от себя в мире. Даже сперму надо копить.

Мастер — синтез не только сопричастности и самоценности, преодоления Жутей I и II, синтез растворения в бесконечном абсолюте и монадической изолированности. Потому это и синтез Востока и Запада, нирваны и творчества. Проясненное сознание как сознание мастера — единство с целым, которое без тебя не цело. Ты — необходимая часть этого целого. Хотя и часть, но необходимая и не обходимая. И ты за это отвечаешь. Как мастер.

Мастер поступает — не на пользу, а скорее невзирая на пользу. В принципе, рано или

поздно человек начинает понимать или догадываться, что в общем-то люди и мир вполне могут обойтись и без него. Сознание этого — первый шаг становления мастера. Поэтому столь часто мастер — запойный пьяница. Еще бы не запить?! Он — мастер, а без него и без его дела человечество не помрет и мир не рухнет! Но есть и другой путь. Да — не нужно! Да — можно обойтись! Но это мое дело. Не чье-нибудь, не чье-попало, а именно мое, и я его должен и буду делать, так как кроме меня и лучше меня его никто не сделает. Я — призван. И тогда мир узнает Хайяма — не математика, а поэта, Петрарку — тоже поэта, а не общественного деятеля, Назорея — не в своем отчестве.

Призванность и happening сродни самозванчеству. Где грань между ними? Фанатик, экстремист, графоман и прочие самозванцы тоже «призваны», тоже «не могут иначе». Они тоже люди долга. Они тоже служат. Они тоже видят себя средством. Есть ли и где грань? Есть ли и в чем критерий? Если есть, то там — граница добра и зла. Самозванство — самоутверждение личности за счет других, то, чему противостоит конструктивное творчество и ответственность. Самозванство — бармалеевщина, о которой я много писал раньше, желание сделать других счастливыми помимо и вопреки их воле. Самозванец самоуверен, весь — самомнение. Творец — концентрация сомнений, главная причина которых — не навреди. А еще лучше — помоги. И как помочь не во вред.

Есть ситуация свободы и есть ситуация воли. В ситуации свободы я расширяю сферу своей свободы, отвечая другим, ориентируясь на их интересы и спрос. Отвечая на этот спрос, ответив другим, я беру на себя ответственность и становлюсь свободнее. Благоденствие свободного общества строится на основе удовлетворения взаимного спроса, тотального диалога, всюду плотных диалоговых отношений, вплоть до рыночных. Поэтому демократия, правовое государство — гаранты свободы и достоинства человека — есть итог и результат, выражение и упаковка этого всюду плотного социального пространства. Ситуация свободы — ситуация творчества.

И есть ситуация воли. Когда я напрочь не учитываю интересов других. У меня есть идея и во имя этой идеи я готов не пощадить никого. Вот тут я — самозванец. Самозванцы сталкиваются в пустом, не структурированном пространстве. Это ситуация воли.

Неспроста идея богочеловечества и человекобожия так активно муссировалась в конце прошлого — начале нынешнего века именно в России. В. Соловьев, например, прослеживал именно с этой точки зрения всю историю человеческой мысли. А теистическое, бесовское (в смысле бес-совестности, бес-культурности, без-рассудности, без-ответственности и т.д.) сознание, анестезия души ново-каиновой блокадой рационалистически оправданного насилия, наркотиками «великой эпохи», «нового порядка» привели к массовым формам безответственной нетерпимости, массовому самозванству и «представительству великих идей». Оставшиеся голыми, беззащитными, слабые души льнут к самозванцам, ищут индивидуального спасения в бесчеловечных и бес-человеческих учениях, «загадочных» явлениях.

Мир как целое рухнул. Теперь рушится индивидуальность. Вопрос в том, означает ли это конец человека. Человек нынешний — больше чем одинок. Он проблематичен. Кто или что человек? Кто или что личность? Границы свободы и ответственности, границы вменяемости сузились настолько, что перешли в запредельное. Если в архаичных обществах ответственность возлагалась на племя и род в целом, если еще Иван IV в наказание вырезал целый род вместе со всей дворней и крепостными, то сейчас границы вменяемости, а с ними и границы личности совпадают с психосоматической целостностью человеческого организма, причем только на определенных этапах его жизненного пути и в определенных состояниях. За этими границами человек не является в состоянии аффекта и т.п. Но ведь эта тенденция сужения границ вменяемости и личности вполне может быть продолжена. Разве уже сейчас не возлагается ответственность не на целостную личность, а на стихии, процессы и системы, ее пронизывающие и образующие? Например, ответственность возлагается на наследственность, окружение, а то и части тела (это не я убил — рука сама убила) и организма (нервная система подвела), а то и на отдельные социальные роли (разве это ж я убил, я бы не смог, но как зять...).

Набрасывая на мир все более мелкоячеистую сеть теоретических рационализаций, приходишь к чувству — не понятию! — бесконечности мира и иллюзорности полноты знания. Полнота — в молчании, в невыразимом. Познание — палец, который убирается после указания им на нечто. Так и личность — разве она не палец, указывающий на точку ответственности, но убираемый после указания на невыразимое? Прорыв к тьме крошечной — не столько высветить световой конус в ней, сколько впустить ее в себя? И стать в ней странником.

Раньше человек был сгустком телесного и духовного опыта. Теперь он все больше — странник в мирах этого опыта. Наверное, этим объясняется нынешний интерес к мистическому, восточной медитативной практике, астрологии. Дело не только в экономических кризисах, депрессиях и паниках, тотальном аларме. Очень и очень прав Б. Гройс, утверждающий в седьмой «Беседе»: нет индивидуальности. Есть защита от другого, индивидуальное формование себя в этих актах защиты, оплотняющих человека. Индивидуальность — на границах. Универсальная индивидуальность. Целое внешнего мира рухнуло раньше. Теперь рушится самозванное внутреннее. Остается путь. Остаюсь я как странник миров. Остался happening. Осталась лента Мебиуса мира и других, Жути I и Жути II, их единая поверхность, которая и есть личность.

9. От-куда добро и зло

*Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена
проще, обидней и не для интеллигентов.*

М.М. Зощенко

Творчество, happening — добро. Зло — нет творчества, нет его возможности. Жуть. В нее легко соскользнуть, поскольку альтернатива есть всегда. Относительно Жуты I — либо сопричастность, самооценność, либо тотальность самозванчества и популистской толпы. Сопричастность и самооценность — путь проясненного сознания, отрефлектированной ответственности happening'a. Альтернативы ведут к соскальзыванию в жуть и тьму крошечную. В них разгадка тайны тоталитарной мифологии XX века, опасность тоски по соборности.

Стремящийся убежать от Жуты — в нее попадает. В оптимистическое насилие над природой. В альтруистическое желание сделать других счастливыми с помощью того же насилия. И в том и в другом случае насилие безответственно — прикрывается познанными законами объективной реальности, оправдывающими насильное приведение реальности в соответствие с ее же законами, коллективизмом толпы, который всегда прав только потому, что он коллективен.

Добро и зло не в мире, а в пути. В творчестве или отсутствии его, а то и отказе от него. Свобода — ответственный happening, но свобода воли есть воля к неволе.

На человеке вменяемая ответственность жить — не столько право, сколько обязанность. Если не я, то кто? Мастер работает сам, а не заставляет других. Святой сокрыт от позора. Мудрый мудр, а не мудрит. Честный честен, а не делает честные поступки. Воспитатель не воспитывает. Справедливость не знает разделения и насилия.

Нужен ли на этом пути разум? Помогли ли человеку когда на этом пути разум или просто ум? Необязательно, но наверное и в малом — в понимании пройденного. Как мне этот текст. Человек живет затылком вперед и умом назад. Задним умом. Разум вторичен по отношению к не-алиби в бытии. Вот и узнаешь меру своей вины и ответственности.